

УДК 141.7.

DOI: 10.17223/1998863X/37/9

И.П. Полякова

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ, АНАЛИЗ СУЩНОСТИ И СТРУКТУРА ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ ЛЮДЕЙ¹

Рассматривается проблема современных концепций повседневного бытия и представления о повседневности в трудах отечественных и зарубежных философов в таких направлениях, как феноменология, психоанализ, марксизм, неомарксизм, школа Анналов, постмодернизм и отечественная философская школа в лице своих видных представителей.

Ключевые слова: повседневность, концепции повседневности, феноменология, психоанализ, марксизм, жизненный мир, хаби́туализация, модусы повседневности, фреймы.

Критика повседневного бытия и повседневного сознания – распространенная, но уже несколько устаревшая научная практика. В ее основе лежит желание дистанцироваться от мещанского быта, препятствующего высоким порывам, забывая, что высокие порывы черпают свои ресурсы из источника повседневности (*когда б вы знали, из какого сора растут стихи...*). В связи с этим до сих пор в ряде работ по философии, культурологии, истории, социологии встречается обязательное противопоставление подлинного – неподлинному, высокого – низменному, глубокого – поверхностному. Авторы этого подхода, видимо, забывают, что эти две грани, во-первых, условны, а во-вторых, неразрывно связаны и воплощаются непосредственно в практике повседневности. Последние десятилетия интерес к повседневности заметно вырос, что вызвано темпами социальных преобразований, которые не могли не отразиться на повседневном бытии личности.

Рассмотрим основные концепции повседневности, наиболее полно раскрывающие данное понятие в западной и отечественной философии.

Первые попытки осмысления повседневности делаются в философии жизни А. Бергсоном, В. Дильтеем, Г. Зиммелем [1]. А. Бергсон утверждал, что человек может быть уверен только в собственном существовании и то посредством собственных ощущений и желаний. В. Дильтей способом постижения Другого считал анализ внешних проявлений его жизни [2. С. 210]. Г. Зиммель выделил в качестве противоположности повседневности приключение, которое отличается наивысшим напряжением сил и остроты переживания [3]. Это был начальный этап рассмотрения проблемы повседневности и значимости ее изучения для лучшего понимания личности и общества.

Повседневность как самоценная научная категория впервые стала исследоваться Э. Гуссерлем, где она выступает в качестве «жизненного мира». Феноменология повседневности Э. Гуссерля акцентирует внимание на онтологические основания существования человека в его жизненном мире,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-23-01001 а(м) «Трансформация ценностей повседневной исторической культуры в современном мире»

механизмы сосуществования индивидуального и коллективного миров. Жизненный мир дан своему субъекту непосредственно как дорефлексивная данность в отличие от теоретической установки, требующей предварительной рефлексии и особой перестройки сознания. Именно жизненный мир является питательной почвой для роста всех наук. При этом научная теоретическая установка является одной из форм практической установки жизненного мира.

Жизненный мир, который отличают простота и непосредственность, обладает следующими характеристиками. Во-первых, жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир. Во-вторых, жизненный мир соотносится с конкретными целями деятельности человека. В-третьих, жизненный мир – культурно-исторический образ мира на определенном конкретно-историческом этапе ее развития. В-четвертых, жизненный мир изменчив и зависит от социокультурной среды человеческого опыта. В-пятых, жизненный мир обладает пространством, временностью, каузальностью, вещностью, интерсубъективностью и т.д. В-шестых, для жизненного мира характерна нетематизируемость, означающая, что он сам не выступает в качестве объекта научного исследования [4].

Феноменолог А. Шюц пытается синтезировать идеи Э. Гуссерля и термин «повседневничество» М. Вебера, под которым он понимал процесс обживания, обучения, освоения и закрепления традиций. А. Шюц считает, что повседневное – это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, нормальное; повседневная жизнь организована типологически, т.е. люди, идеи, события типизированы в пространстве повседневного. Важнейшим видом активности, по А. Шюцу, выступает трудовая деятельность. Труд наиболее полно активизирует потенциальные качества личности. То есть, резюмируя, можно сказать, что повседневность – это сфера человеческого опыта, которая характеризуется особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности. Для нее характерно напряженно-бодрствующее состояние сознания, целостность личностного участия в мире, представляющем собой совокупность самоочевидных, не вызывающих сомнений в объективности своего существования социально организованных и типизированных форм пространства, времени и социальных взаимодействий [5].

Феноменологическая концепция делает акцент на субъективности повседневности каждого конкретного индивида, который воспринимает окружающий мир определенным образом и взаимодействует с ним удобными и понятными ему способами. Повседневность с точки зрения феноменологического подхода – это не совокупность объектов окружающего мира, это пласт опыта, переживаемого субъектом повседневности, т.е. личностью, группой, обществом. Повседневность – это тот мир, в котором человек живет ежедневно и ежечасно; а потому ему хорошо знаком, привычен и состоит из набора повторяющихся каждодневных действий. Задачи, решаемые человеком в повседневном существовании, связаны с проблемами собственного выживания, улучшения качества собственной жизни, самореализации в различных сферах деятельности. Феноменологов интересует только мир, обозначаемый как мир здесь-и-сейчас, мир посюсторонний, мир, имеющий пространственно-временные границы.

Продолжая линию феноменологов, П. Бергер и Т. Лукман считают, что повседневность определяется потребностями человека, в процессе удовлетворения которых все иные реальности второстепенны, к ним возвращаются лишь по мере необходимости. Реальность повседневной жизни не однородна, она разделена на два сектора: привычная реальность повседневной жизни человека и проблематичная группа секторов, которые еще не освоены и не присвоены человеком. В качестве основных характеристик повседневности они выделяют хаби́туализацию, т.е. опривычивание, типизацию, институционализацию и легитимацию [6]. Основной задачей данных исследователей становится рассмотрение механизмов конструирования собственной повседневности в процессе приобщения к чужой повседневности.

На коммуникативный характер повседневности указывает и Ю. Хабермас. Он делит общество на жизненный и системный миры. Жизненный мир – конкретная среда, в которой существует человек, а системный мир – общество в целом. В жизненном мире преобладают личные интересы, глубокие переживания и непосредственные контакты людей, которых связывают горизонтальные связи без жесткой субординации. Системный мир вырастает из жизненного мира и является его продуктом и продолжением. В системном мире взаимосвязи регламентированы и носят очень жесткий характер, которые переступают через индивидуальные качества людей [7].

В экзистенциализме повседневность рассматривается двояко: подчеркивается либо ее деструктивный характер воздействия на человека, либо, напротив, ее благотворное влияние на становление личности. Человек как творческая личность именно потому не поддается определению, что изначально ничего собой не представляет. Экзистенциалисты считают, что не следует говорить о человеческой природе вообще, необходимо изучать, кем вообще человек желает стать, какие качества он хочет приобрести. Негативный, но неизбежный характер повседневности подчеркивается М. Хайдеггером. Повседневная жизнь человека наполнена хлопотами по поводу воспроизведения себя в мире в качестве живущего существа, а не мыслящего. Мир повседневности требует неустанного повторения необходимых забот, подавляя креативность и творческие порывы личности. Модусы повседневности – это болтовня, двусмысленность, любопытство, озабоченное устройство и т.п. Они далеки от подлинно человеческого, и потому повседневность носит несколько негативный характер, а повседневный мир в целом предстает как мир неподлинности, беспочвенности, потерянности и публичности. Хайдеггер отмечает, что человека постоянно сопровождает озабоченность настоящим, которая превращает человеческую жизнь в боязливые хлопоты, в прозябание повседневности. Однако, несмотря на эти негативные аспекты повседневности, человек постоянно стремится удержаться в наличном, избежать смерти. Он отказывается видеть смерть в своей повседневной жизни, загораживаясь от нее самой жизнью [8].

Ж.П. Сартр выдвинул идею абсолютной свободы и абсолютного одиночества человека среди других людей. Только сам человек несет ответственность за фундаментальный проект своей жизни, за свои успехи и провалы. В любой момент жизненный проект может быть изменен [9]. В данном отношении философ отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает

на него полную ответственность за существование. Важнейший вывод экзистенциализма состоит в том, что человек, не имея никакой поддержки и помощи извне, осужден всякий раз «изобретать» человека, действуя всё время на свой страх и риск. Более оптимистичной точки зрения придерживался Э. Фромм, наделяющий жизнь человека безусловным смыслом. Он говорит о двух основных способах существования человека – обладании и бытии. Бытие противопоставляется обладанию и означает подлинную причастность к существующему и воплощению в реальности всех своих способностей [10]. Реализация принципов бытия и обладания наблюдается на примерах повседневной жизни – беседы, памяти, власти, веры, любви и т.д.

Вопросы повседневности становятся предметом исследований И. Гофмана в его фундаментальном труде «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» [11]. По его мнению, нормальное и патологическое поведение людей объясняются формами организации повседневного опыта и общения – фреймами (*в переводе – рамками, формами*), из которых построена социальная жизнь и которые позволяют интерпретировать поведение других людей. И. Гофман представил повседневность как форму социальной организации, где человеческая субъективность принимает устойчивые формы. Фреймы упорядочивают реальность, предлагая варианты определения ситуаций. На этой основе становится возможным и социальное взаимодействие, связанное с пониманием. Системы фреймов не заданы в качестве алгоритмов восприятия, а всегда находятся в процессе своего формирования, т.е. происходит постоянное «фреймирование» реальности. Осуществляется это посредством пяти «ключей» к первичным системам фреймов: выдумка, состязание, церемониал, техническая переналадка и пересадка. Рутинизация повседневности посредством фреймов делает ее понятной и стабильной, а социальные роли позволяют закрепить ожидания в стандартных ситуациях взаимодействия.

С социальными отношениями повседневность связана и в работах марксистов и неомарксистов. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, любое исследование человеческого бытия как частного, так и общественного нужно начинать с анализа непосредственного бытия субъекта исследования, а именно с повседневного бытия конкретных живых индивидов. Причем если ранее историки обращали внимание на жизнь высших господствующих классов или отдельных выдающихся личностей, то впоследствии, во многом благодаря работам К. Маркса и Ф. Энгельса, объектом исследования стала повседневность широких масс как фундаментальный пласт социальной реальности, в котором повседневно воссоздаются и оживают такие формы бытия, как экономика, политика, право и искусство. Объектом критики Маркса является процесс отчуждения повседневности, имеющий место быть при капиталистической формации. Разумеется, повседневность детерминирована уровнем развития производительных сил и производственных отношений, это особенно четко прослеживается в трудах неомарксистов. У Г. Маркузе культура представляется как праздник, творчество, высшее напряжение сил, а цивилизация – как рутинная технизированная деятельность, к которой как раз и относится повседневность. А. Лефевр определяет повседневность как самостоятельный срез жизни общества. В эпоху всевластия бюрократии

и технократии лишь частный опыт индивида, его межличностные связи в повседневной жизни еще сохраняют остатки первозданного, естественного состояния, поскольку только здесь человеческое бытие находит то, что позволяет ему сохраниться как целостности, а не как элементу некой мозаичной общности. По мнению же Лефевра, именно в сфере повседневности, в этой иррациональной, социально-гомогенной жизни идет тотальная революция. Концепцией повседневной жизни Лефевр фиксирует точку бифуркации в историческом процессе. Повседневность и скрывает изменения, и обнаруживает их. Здесь происходит переворот в человеческом существовании, сглаживаются драмы и трагедии эпохи [12].

Рассказывая о механизмах производства и обмена, Ф. Бродель предложил видеть в экономике любого общества два уровня «структур»: жизни материальной и жизни нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень и был назван им «структурами повседневности». К ним он отнес то, что окружает человека и обуславливает его повседневность: географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности и возможности их удовлетворения. Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума и ряда других факторов, формирующих личность и ее образ жизни. Конечной целью «тотального» изучения прошлого должно было стать выявление некоего инварианта – неизменной величины, присутствующей в формах быта данной историко-культурной общности [13].

В рамках психоанализа внимания заслуживают идеи З. Фрейда, касающиеся повседневной жизни. З. Фрейд в своей работе «Психопатология повседневной жизни» характеризует повседневность по преимуществу бессознательной детерминацией психических актов и утверждает, что она не справляется в обширном виде случаев с властью бессознательного и закономерно порождает заблуждения [14]. Более того, порождение заблуждений оказывается атрибутом повседневности.

Постмодернизм окончательно признает право повседневности на самостоятельное существование во всей ее полноте и многообразии. В рамках постмодернизма (Ж.П. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Батай) отстаивается мнение о правомерности рассмотрения повседневности с любой позиции для получения полноты картины [15]. Мозаичный характер картины повседневности в постмодернизме свидетельствует о равноценности самых разнообразных феноменов человеческого существования. Постмодернизм исследует исторические механизмы субъективации индивида через практику сексуальности, власти, безумия, маргинальную практику. Философия постмодерна акцентирует свое внимание на иррациональном, чувственно эмоциональном, на животности человека, телесности, проблемах пола, возможности быть далеким от идеала, быть не поддающимся вербализации во имя того, чтобы вернуть человека самому себе. Основной задачей человека постмодерна, находящегося в хаотичном, нецелесообразном, порой опасном мире, является стремление раскрыть себя, найти подлинные смыслы своего существования, уметь оставаться собой в разорванном мозаичном мире.

В отечественной социально-философской культуре предпринимались попытки сближения теоретической онтологии и практики повседневных вещей. Творческий характер повседневности подчеркивал Н.А. Бердяев. Он уделял достаточно внимания проблемам повседневного существования человека. Он различал мир призрачный – эмпирические условия жизни человека, где царствуют разъединенность, вражда и рабство, и мир подлинный – идеальное бытие, где находят свое воплощение любовь и свобода. Человек, находясь в плену призрачного мира, страдает. Единственная возможность приобщиться к миру подлинному – творить. С одной стороны, человек вынужден подчиняться материальной необходимости, но, с другой – он обладает огромной творческой мощью. Это основной долг человека перед собой и перед Богом [16].

Как стандартизированный и нормированный срез эмпирической жизни трактует повседневность Б.В. Марков. Повседневность, по Маркову, обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству, привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, но также и их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами [17].

В.Д. Лелеко структурирует повседневность в виде иерархических уровней и секторов в ее пространственном и временном измерениях. Теоретическая модель повседневности, предложенная В.Д. Лелеко, включает вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию. В.Д. Лелеко считает, что события повседневной жизни есть форма проявления определенного уклада жизни с его устоявшимися, изо дня в день повторяющимися делами, поступками, занятиями. Стабильность повседневной жизни противостоит случайностям и неожиданностям, которые могут сломать, уничтожить сложившийся уклад жизни, привычную нормативную повседневность [18]. Однако в своей концепции повседневности В.Д. Лелеко слишком категоричен. Так, необходимым условием повседневности у него выступает ежедневность. Поэтому трудовая деятельность, скажем, учителя, работающего три раза в неделю, повседневной не является. Из сферы повседневности исключаются сон, вера, досуг.

В отечественной литературе делается акцент именно на духовной, ценностной составляющей повседневной жизни личности и общества, что зачастую игнорировалось в работах зарубежных авторов, делающих акцент на телесной, природной стороне бытия. Однако и отечественные авторы обращают внимание на ее практический, адаптивный характер. В частности, В.Н. Сыров подчеркивает рациональный характер повседневности, основной задачей которой являются адаптация и решение насущных проблем. В.Н. Сыров выделяет такие универсальные характеристики повседневности, как персонификация, реификация (представление процессов в виде предметов) и рецептуризация. По его мнению, повседневность воплощает жажду быть, всегда присутствовать или жить в мире наглядности и быть удовлетворенным именно этой жизнью. Это формирует как ее ценностные приоритеты: жить

и удовлетворяться от мира наглядности, так и ценностные ограничения: жить и удовлетворяться только от такого мира [19]. На функциональный характер повседневности также указывают И.Т. Касавин и С.П. Щавелев. В выводах своей монографии они пишут, что субстанциональная фрагментарность повседневности объясняется ее функциональным характером. Повседневность – диспозиционный предикат, феномен, актуализирующийся в определенных условиях и неразличимый в других. Повседневность скрепляет собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними. И.Т.Касавин и С.А. Щавелев выделяют два подхода к определению повседневности: онтологический и психолого-эпистемологический. Согласно первому, отличительными характеристиками повседневности являются: необходимость для каждого человека, повторяемость, доходящая до цикличности, замкнутость типичных пространств повседневности, консервативность, устойчивость, усредненность, массовидность и отнесенность к частной жизни. Психолого-эпистемологический подход отражает субъективные измерения по сути тех же самых отличительных характеристик повседневности [20]. Повседневное рассматривается как нечто обязательное, постоянное, предсказуемое, узнаваемое, понятное, совершаемое полу- или даже вовсе бессознательно.

Не отрицая приспособительный характер повседневности, Г.С. Кнабе акцентирует особое внимание на аксиологическом смысле повседневности, подчеркивая, что в условиях современного общества ее глубокий духовный смысл отходит на второй план [21]. Основными характеристиками повседневности Е.В. Золотухина-Аболина считает нормальность (обычность), прагматичность, повторяемость и понятность. Среди повседневности исследователи выделяют также так называемые лакуны внеповседневного (приключения, праздники и сферу виртуальности), в рамках которых законы повседневности бывают существенно потеснены [22].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что структура повседневной жизни определяется уникальной индивидуальностью человека, но социальные и материальные параметры жизни задают некоторые ограничения повседневности, которые определяют пределы индивидуализации повседневной жизни [23]. Реальность повседневной жизни существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность, не требующая доказательств и проверок своего существования. Повседневность является частью социальной реальности, определенной целостностью духовно-ментального и материального, необходимым условием общественной жизни, которая разворачивается в социальном пространстве и времени, в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. С. 246–256.
2. Дильтей В. Собрание сочинений // Введение в науку о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1.
3. Зиммель Г. Избранные труды. М.: Ника-Центр, 2006. 436 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 4 т. М., 2001.
5. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 451 с.
9. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 319–344.
10. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000. 361 с.
11. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
12. Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98–115.
13. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 622 с.
14. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Азбука, 2006. 224 с.
15. Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
16. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 82 с.
17. Марков Б.В. Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
18. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГАК, 2002. 320 с.
19. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147–159.
20. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
21. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. 198 с.
22. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М.: MapT, 2003. 192 с.
23. Газиреева Л.Х. Современные ценности как модус существования единства духовно-продуктивной и духовно-практической деятельности // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета. 2010. № 4. С. 39–43.

Polyakova Irina P. Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation).

E-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/37/9

THE MODERN CONCEPT OF EVERYDAY LIFE, THE ANALYSIS OF THE NATURE AND STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE OF PEOPLE

Key words: *everyday life, the concept of everyday life, phenomenology, psychoanalysis, Marxism, the life-world, habitualization, modes of everyday life, frames.*

This article is devoted to the problem of modern concepts of everyday life, the study of which has become a fashionable academic trend of everyday life. The article discusses the idea of everyday life in the works of Russian and foreign philosophers, in such areas as phenomenology, psychoanalysis, Marxism, neo-Marxism, Annales school, postmodernism and Russian philosophical school.

Based on the foregoing, we can conclude that the structure of daily life is determined by the unique individuality of the person, but the social and material aspects of life define the specific constraints of everyday life, which defines the limits of individualization of everyday life. The reality of daily life there as self-evident and compelling facticity, does not require proof and checks its existence. Daily is part of the social reality defined by the integrity of the spiritual and mental and material, necessary condition of social life that takes place in social space and time in the areas of life, work and leisure through a variety of activities.

References

1. Bergson, A. (1998) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Translated by V. Flerova. Moscow: KANON-press; Kuchkovo pole. pp. 246–256.
2. Dilthey, V. (2000) *Vvedenie v nauku o dukhe* [Introduction to the Science of the Spirit]. Translated from German by V. Malakhov. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 2000. T. 1.
3. Simmel, G. (2006) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Translated from German. Kyiv: Nika-Tsentr.
4. Husserl, E. (2001) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 vols]. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

5. Shyuts, A. (1988) *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 129–137.
6. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Moscow: Medium.
7. Habermas, Yu. (2000) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoye deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German by S. Shachin, D. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka.
8. Heidegger, M. (2006) *Bytie i vremya* [Being and time]. Translated from German by V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka.
9. Sartre, J.P. (1990) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. In: Nietzsche, F., Freud, S., Fromm, E., Camus, A. & Sartre, J.P. *Sumerki bogov* [The Twilight of Gods]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 319–344.
10. Fromm, E. (2000) *Imet' ili byt'* [To have or to be]. Translated from German. Moscow: AST.
11. Gofman, I. (2003) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [The analysis of frames: An essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by R.E. Bumagin, Yu.A. Danilov, A.D. Kovalev, O.A. Oberemko. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
12. Kondrashov, P.N. (2006) Marksistskaya teoriya povsednevnosti: popytka predvaritel'noy eksplikatsii [The Marxist theory of everyday life: An attempt at preliminary explication]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 3. pp. 98–115.
13. Brodel, F. (1986) *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoye i nevozmozhnoye* [The structures of everyday life: The possible and the impossible]. Translated from French by L.Ya. Kubbel. Moscow: Progress.
14. Freud, S. (2006) *Psikhopatologiya obydennoy zhizni* [Psychopathology of everyday life]. Translated from German by O. Medem. Moscow: Azbuka, 2006. 224 s.
15. Heart, K. (2006) *Postmodernizm* [Postmodernism: A Beginner's Guide]. Translated from English. Moscow: FAIR-PRESS.
16. Berdyayev, N.A. (1993) *O naznachenii cheloveka* [On the mission of a person]. Moscow: Respublika.
17. Markov, B.V. (2008) *Kul'tura povsednevnosti* [The culture of everyday life]. St. Petersburg: Piter.
18. Leleko, V.D. (2002) *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [The space of everyday life in European culture]. St. Petersburg: St. Petersburg GAK.
19. Syrov, V.N. (2000) O statuse i strukture povsednevnosti (metodologicheskie aspekty) [On the status and structure of everyday life (the methodological aspects)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2. pp. 147–159.
20. Kasavin, I.T. & Shchavalev, S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [The analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+.
21. Knabe, G.S. (1993) *Materialy k leksiyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima* [Materials for lectures on the general theory of culture and culture of ancient Rome]. Moscow: Indrik.
22. Zolotukhina-Abolina, E.V. (2003) *Povsednevnost' i drugie miry opyta* [Everyday life and other worlds of experience]. Moscow: MarT.
23. Gazgireeva, L.Kh. (2010) Sovremennyye tsennosti kak modus sushchestvovaniya edinstva dukhovno-produktivnoy i dukhovno-prakticheskoy deyatel'nosti [Modern values as a mode of unity of spiritually productive and spiritually-practical activity]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki – The Humanities and Social-Economic Sciences*. 4. pp. 39–43.